

Часть 1

Он трясся.

Кто-то его тряс.

— ...айся.

Далекий голос.

— ...сыпайся

Он становился ближе.

— ...Просыпайся!

Знакомый голос.

— Уже утро!

Яркий свет прорезал тьму.

— ...Мм?

Проснувшись, Сакута открыл глаза.

Будучи вялым ото сна, он мог разглядеть только лицо Каэдэ. Она наклонилась над кроватью и смотрела на него. Солнечный свет, проникая через отверстия в шторе, резал ему глаза.

— Сегодня же последний день промежуточных экзаменов? Ты опоздаешь!

Она потрясла его еще раз.

— Ах, да, точно... промежу...

Он подавил зевок и сел.

Его тело было тяжелым, словно свинец. Возможно, он простудился. Или у него был жар. Однако он не чувствовал себя больным, просто... очень, очень уставшим. Это описание

подходит лучше всего.

Борясь с желанием отдаться объятиям сна, он заставил свое уставшее тело встать на ноги. Опоздать или вовсе не прийти на промежуточные экзамены было нежелательно. Пересдача – просто кошмар.

На часах было 7:45. Десятиминутная прогулка до станции Фудзисава, затем пятнадцать минут на поезде. Около пяти минут от станции Шичиригахана до его класса. Весь поход занял около получаса.

Он должен выйти из дома в конце восьмого часа. Так что у него было не то чтобы много времени.

— Спасибо, что разбудила, Каэдэ. Ты спасла меня.

— Будить тебя – мой смысл жизни!

Ее улыбка была милой, однако не придавала мотивации хвалить ее еще больше.

— Тебе нужно найти еще какие-нибудь увлечения в жизни.

— Например тереть тебе спинку в душе?

— Нечто не относящееся ко мне.

— Тогда нет.

Довольно-таки быстрый отказ.

— Я волнуюсь за твое будущее, — сказал Сакута, открывая гардероб, чтобы переодеться.

Он снял свою школьную рубашку с плеч, но случайно выронил ее из рук, и та упала на пакет, что стоял на полу.

— Что это? — поинтересовался он, заглядывая в пакет, с которого он только что поднял рубашку.

Каэдэ также заглянула в него.

Они оба увидели содержимое пакета.

— ...

— ...

Над ними нависло молчание.

— Ч-что это такое?! — спросила Каэдэ дрожащим голосом, указывая на пакет.

Сакута мог спросить тоже самое.

Черный леотард с белым, пушистым шариком сзади. Черные чулки и высокие каблуки. Галстук-бабочка. Белые манжеты. А также ободок с кроличьими ушками. Вместе они будто бы были целым костюмом.

Это определенно был наряд девушки-кролика.

— Может быть я собирался надеть его на тебя? — это единственный ответ, который приходил ему в голову.

— Что? — шокировано ответила Каэдэ.

Он надел ей ободок на голову.

— Неплохо.

— Я-я не буду носить такое! Я еще не готова к чему-то настолько сексуальному!

Почувствовав опасность, Каэдэ выбежала из комнаты.

Сакута не был готов бегать за ней по всей квартире в такую рань, так что он просто убрал костюм обратно в пакет, а сам пакет засунул в гардероб.

— И насколько я был уставшим? — пробубнил он себе под нос.

Он накинул рубашку и застегнул ее. Затем штаны и галстук. Последний был завязан криво.

— ...

Обычно он бы оставил все как есть, однако сегодня решил попробовать завязать его снова. Он

ослабил галстук и попытался нормально завязать узел. В этот раз вышло нормально.

Перед тем, как надеть пиджак, он закинул тетрадь в школьную сумку. Закончив, он заметил записную книжку, которая лежала на столе, и взял ее.

— Что это?

Он полистал страницы. Каждая страничка была исписана.

Тетрадь по японскому языку? Приглядевшись, он понял, что нет.

Записи начинались с предупреждения, а дальше все было как в обычном дневнике.

В написанное здесь тяжело поверить, но это правда. Убедись, что прочел все до конца! Ты обязан!

6 Мая.

Я встретил дикую девушку-кролика.

Она - мой сэмпай из старшей школы Минагахара. Знаменитая ____.

Это только начало. Начало нашего знакомства. Я никогда не забуду этого.

Даже если забудешь - вспомни. Ты обязан вспомнить, будущий я.

Он не знал, как на это реагировать.

— Я что, записывал свои сокровенные фантазии в эту тетрадку?

Возможно, это один из признаков переходного возраста. Странные записи, основанные на не менее странных фантазиях. Он не мог припомнить, что писал что-то подобное, однако почерк был точно его. Он узнает его из тысячи. Получается, Сакута сам все это написал.

Но чем дальше он читал, тем больше становилось.

Дошло до воображаемой девушки. Страница за страницей, заполняя всю записную книгу. Как они разговаривали, ожидая поезд, ездили по линии Энодэн. Как они ходили на свидание, которое превратилось в путешествие аж до Огаки.

Сакута помнил, что он был в Огаки несколько дней назад. Однако все, что он мог вспомнить, так это то, что у него внезапно появилось желание поехать куда-то, лишь бы подальше отсюда, а затем он запрыгнул на поезд. К несчастью, все то время он был один.

— ...

Странные пробелы в памяти не давали ему покоя. Из контекста было ясно, что там должно было быть чье-то имя, однако оно отсутствовало. Там было достаточно места для дополнительных нескольких букв.

— Может быть я должен буду заполнить эти пробелы, когда у меня появится девушка?

Такой исход был еще больнее. Эти записи - определенно то, что нельзя никому показывать. Он был уверен, что их нужно уничтожить как можно быстрее.

Определенно, позор на яву.

Он и дальше находил сообщения для самого себя, и каждое было хуже предыдущего. Чувства, вложенные в этот текст, заставили его засмущаться.

Прозвенел будильник, сообщая, что уже восемь часов, и Сакуте пора поторопиться.

Парень кинул записную книжку в мусорку, накинул пиджак, схватил сумку и крикнул Каэдэ: «Я ушел!».

Затем он пошел в школу.

Часть 2

Сакута пробежал до станции немного быстрее, чем обычно.

Он миновал жилой район, пересек мост, а затем вышел на главную дорогу. Хоть он и застрял на паре светофоров, однако вскоре уже был в торговом районе рядом со станцией. Пройдя через игровые автоматы и магазин электроники, впереди он увидел станцию.

Станция Фудзисава выглядела как всегда. Потоки пассажиров, что отправлялись либо на работу, либо в школу, заполняли собою все в округе. Взрослые, одетые в рабочую одежду, направлялись в ближайшие офисы. Люди, менявшие поезда, чтобы отправиться на нужную платформу. Сакута прошел через соединительный коридор вместе с потоком, что спешил на станцию Фудзисава.

Когда он прошел через турникеты на станции, он увидел, что его поезд еще стоял. Отдышавшись, он зашел в первый вагон.

Он занял место у дверей с дальней стороны, и кто-то присоединился к нему.

— Йоу, — сказал Юма, подняв руку в качестве приветствия.

— Привет.

Поезд тронулся. Юма держался за поручень двумя руками и рассматривал Сакуту.

— Выглядишь сегодня получше, — отметил он.

— Хм?

— Чувак, вчера ты был вылитый зомби. Ты всегда до такой степени зубришь перед экзаменами?

— Не, обычно я быстро сдаюсь и иду спать.

— Я так же считал.

Прошлой ночью он лег довольно рано. Как минимум он не помнил ничего после девяти или десяти. Раньше, чем обычно, несмотря на тесты.

Сакута осмотрел вагон. В нем также была пара ребят в униформе старшей школы Минагахара. Многие читали записи в тетрадях, чтобы получить максимальный балл.

Юма тоже достал тетрадь и начал перечитывать формулы.

Пока Сакута время от времени отвлекал Юму от обучения, они проехали станцию Косигоэ, и перед ними открылся вид на океан.

У Сакуты появилось ощущение того, что кто-то уставился на него.

— ...

Он осмотрелся, пытаясь найти источник взгляда.

— Что случилось? — спросил Юма. Видимо, Куними заметил его странное поведение.

— Показалось, что на меня кто-то смотрит, — сказав это, он увидел девчонку, стоящую у следующей двери. Томоэ Кога. Ее униформа все еще выглядела новенькой.

— М? Она? Первогодка?

Томоэ так очевидно отвела взгляд, что даже Юма заметил это.

— Знаешь ее?

— Она с подругой иногда приходит посмотреть на тренировки баскетбольной команды.

Сакута тоже вспомнил ее.

— Мои товарищи по команде считают, что они обе милашки.

— Ох, так значит она смотрела на тебя.

Он почувствовал себя идиотом.

— Не думаю, — сказал Юма, обратно уставившись в тетрадку.

— Почему же?

— Когда она приходит смотреть на тренировки, то обычно смотрит на одного из третьегодок.

— Хах.

— Ты даже не знаешь имен своих одноклассников, так что я удивлен, что ты знаком с первогодкой. Что-то случилось?

— Типа того.

— Ого. Расскажи-ка и мне тоже.

Юма убрал свою тетрадь и с ухмылкой подтолкнул Сакуту плечом.

— Мы просто пинали друг друга по заднице. Ничего особенного.

В прошлое воскресенье он пытался помочь потерявшемуся ребенку, однако кое-кто воспринял все на так, и дела пошли не в то русло.

— Ну не спроста же пинают по заднице.

— Такое иногда случается.

— Но не со мной. К чему ты клонишь?

— Ни к чему.

— Лаадно...

Сакута уставился в окно, дав знать, что он не настроен продолжать разговор.

Что-то определенно не давало ему покоя.

И это была не встреча с Томоэ Когой. Почему-то он не мог вспомнить причину, по которой пришел тогда в парк.

Когда поезд прибыл на станцию Шичиригахана, все в форме школы Минагахара вышли, заполнив и так маленькую платформу.

Сакута в том числе.

Наслаждаясь бризом, он и Юма прошли небольшое расстояние до школьных ворот.

Вокруг них разговаривали ученики: «Еще тесты. Мне конец», «Я вообще ничего не учила», «Я тоже!», «Обычно те, кто так говорит, как раз-таки все и учили».

Промежуточные экзамены – проблема, с которой сталкиваются все ученики. Однако это утро, несмотря ни на что, было самым обычным.

Обычная дневная рутина.

Все то, что они обычно делали по дороге в школу.

Ничего особенно веселого или удручающего.

Все проходят через это.

Все вокруг Сакуты было как обычно.

Две первогодки прошли мимо Сакуты и Юмы. Томоэ Кога и ее подруга. Они говорили о своих планах после экзаменов - про караоке и подобное.

— А ты планируешь что-нибудь после экзаменов, Сакута?

— Работать. А ты?

— Только тренировка. Скоро будет турнир.

— Ох. Ну, хорошо тогда.

— М? Почему же?

— Будь у тебя свидание, то я бы обиделся.

— Это я припас на выходные.

— Иногда я просто ненавижу тебя, Куними.

— Говоришь мне это прямо в лицо?

— Ну, это уж явно лучше, чем скрывать это.

Обменявшись колкостями, они добрались до входа в школу.

Сакута достал сменную обувь из своего шкафчика и переобулся, а затем поднялся по лестнице в класс для второгодок.

Юма был в другом классе, а потому они разделились в коридоре, и Сакута пошел в класс 2-1 в одиночку.

Его место было напротив окна.

Первым экзаменом была высшая математика, затем современный японский язык.

Некоторые ученики отчаянно зубрили, остальные спокойно изучали свои записи и готовились к экзаменам. И лишь некоторые спали на партах, заранее сдавшись. Саки Камисато сидела за своим местом, что было по диагонали напротив него, жуя соломку. Рановато есть сладости. Хотя, возможно она надеется на то, что сахар заставит ее мозги шевелиться.

Сакута тоже достал свою тетрадь. Его нос дико чесался.

— Надеюсь, что я не простудился.

Он протер нос платком и начал рассматривать примеры уравнений высшего порядка.

У него была странная жажда получить хороший балл.

После того, как он бегло пробежался по всему, на его книгу упала тень.

Кто-то стоял напротив него.

Ему даже не надо было смотреть кто это, он и так знал. Не отрываясь от книги, он видел край ее белого лабораторного халата, что свисал из-под юбки.

— Не часто ты меня навещаешь, Футаба.

— Вот.

Рио раздраженно протянула ему конверт в западном стиле.

— Любовное письмо?

— Нет.

— Понятно.

Сакута знал, кому принадлежало сердце Рио.

Он взял и заглянул в конверт. Неудивительно, но в нем было письмо. Он взглянул на Рио, чтобы понять, стоит ли ему это читать.

— ...

Она молча кивнула. Сакута раскрыл письмо и пробежался по содержимому глазами:

Это смехотворная псевдонаучная экстраполяция Эффекта Наблюдателя, но давайте предположим, что все в мире имеет форму только тогда, когда за этим чем-то кто-то наблюдает. В таком случае, если причина исчезновения ___ заключается в бессознательном игнорировании ее учениками, тогда если Азусагава создаст причину замечать ее существование, то он сможет спасти ___. Получается, заставив их смотреть на то, чего они прежде не хотели замечать, позволит ___ вернуть свою форму... другими словами, ее форма станет такой же, какой и была до того, как она была забыта. Бессознательное игнорирование ее учениками может быть заменено любовью Азусагавы.

Странное письмо с кучей подозрительных пробелов. Содержание не имело никакого смысла. Однако оно было написано Рио и именно для него.

Он посмотрел на нее в ожидании объяснений.

— Я тоже не знаю. Нашла прошлой ночью в тетрадке по высшей математике.

— Какого черта?

Рио положила перед ним еще один идентичный прошлому конверт.

— Вместе с ним был еще этот.

Растерявшись еще сильнее, Сакута прочитал второе письмо:

Не спрашивай. Просто передай это Азусагаве.

Это определенно было письмо, которое Рио оставила для самой себя.

Это напомнило Сакуте о странной записной книжке, которую он обнаружил на столе в своей комнате этим утром.

В глубине его разума что-то не давало ему покоя, но он никак не мог вспомнить. Самое обычное чувство того, что ты что-то забыл.

— Так что вот, держи, — сказав это Рио развернулась и пошла.

— Эм, подожди, — сказал он ей вслед, однако прозвенел звонок, заставивший его сесть обратно на место.

Зашел учитель, и начался классный час.

— Сегодня последний день промежуточных экзаменов, однако не сходите с ума после его окончания, — предупредил он.

Сакута еще раз прочитал сообщение Рио.

Это смехотворная псевдонаучная экстраполяция Эффекта Наблюдателя, но давайте предположим, что все в мире имеет форму только тогда, когда за этим чем-то кто-то наблюдает. В таком случае, если причина исчезновения ___ заключается в бессознательном игнорировании ее учениками, тогда если Азусагава создаст причину замечать ее существование, то он сможет спасти ___. Получается, заставив их смотреть на то, чего они прежде не хотели замечать, позволит ___ вернуть свою форму... другими словами, ее форма станет такой же, какой и была до того, как она была забыта. Бессознательное игнорирование ее учениками может быть заменено любовью Азусагавы.

— Моей любовью, да?

У него не было ни малейшего понятия, что это могло означать.

Часть 3

Высшая математика прошла спокойно.

Он ответил на все вопросы и тщательно проверил написанное. Он чувствовал, что эта проверка, почему-то, очень важна.

Сакуту обычно не волновала проверка своей работы, однако в этот раз он хотел ее проверить. Он нацелился на хороший балл.

Следующим был современный японский.

Когда прозвенел звонок, весь класс открыл свои экзаменационные книги. Комната наполнилась звуком скрипа карандаша.

Сакута написал свое имя, номер класса, а также место, где он сидит. Тогда он перешел к первому заданию. Понимание прочитанного. Он прочел задание, а затем начал читать отрывок.

Это заняло около двадцати минут, но в конце концов он выполнил его.

Далее был более длинный отрывок. Этого не было в его тетради.

Похоже, это заняло бы какое-то время, так что Сакута решил вернуться к вопросам с кандзи в самом конце.

Ужасный раздел с омонимами.

1. Я могу ____, что он заплатит.

2. Я могу ____ вас, что страна останется стабильной.

И там и там было hoshō на катакане, и надо было написать это используя кандзи.

[П/П: На катакане hoshō будет - □□□□, кандзи(подробнее в 4-ой главе) - □□/□□.]

Он без раздумий написал поручиться в первом и заверить во втором.

— ...

Закончив, он остановился, чувствуя, как дрожит его карандаш.

Сомнения, никак не связанные с экзаменом, стали наполнять его голову.

Он знал ответ на этот вопрос потому, что учил эту тему прошлой ночью.

Но он не мог вспомнить подробней.

Что-то было не так. Чувства, что заполняли его голову, распространились по всему телу. Это было неприятно, словно он пытался вспомнить что-то, что отказывалось вспоминаться. Словно какое-то слово вертелось на языке.

Чем больше он думал об этом, тем неприятнее становилось. Он ощущал, словно что-то изнутри кричало на него.

— ...Что это?

Он не мог этого объяснить. Словно...

Словно лучик радости в его сердце.

Словно горько-сладкое воспоминание.

Словно воспоминание о лучших временах.

Но также и печаль вместе с ними.

Одна эмоция за другой разрывали его, а затем исчезали и появлялись вновь. Волна за волной, пробирая его до костей.

А затем что-то упало на его бланк ответов.

Он испугался, что у него потекло из носа, так как он чувствовал озноб на протяжении дня, но все было совсем не так.

Что-то капнуло из его глаза.

Слеза.

Он быстро оглянулся. Он не мог просто так начать плакать посреди экзамена.

Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоить самого себя, однако чей-то голос пронесся в его голове.

— Какой из них используется для «Никто не поручится за твое будущее»?

Это был знакомый голос.

— Можешь также написать «Никто не может обеспечить безопасность Сакуты, если тот продолжит хитрить».

Туман в его голове рассеялся.

— Кандзи поручиться означает доказательство, гарантировать, а обеспечить - препятствие, заверить, защита.

Он ответил на вопрос точно так, как она сказала ему.

Ручка выпала из его руки.

Он не должен сидеть тут и сдавать экзамен. Не сейчас.

— Воу!

Одноклассник, сидящий позади него, дернулся от неожиданности. Девушка, что сидела рядом, взвизгнула.

Все отвели свой взгляд от листа и уставились на него.

Учитель, что следил за проведением экзаменов, ошарашено спросил: «Что случилось, Азусагава?».

— Мне нужно в туалет, по большому, — ответил Сакута.

В классе раздался смех.

— Все успокоились!

Пока учитель отвлекся, Сакута выбежал в коридор.

Он пробежал мимо туалетов и спустился вниз по лестнице.

Выход был далеко в другой стороне, так что он вылез через окно на первом этаже.

Он вспомнил нечто важное.

Вспомнил кого-то важного.

Он должен был кое-что сделать для нее.

— Черт, это будет ужасно... — сказал он, уже застенявшись.

Перед ним была площадка школы Минагахара. Он шел к ее середине, в то же время каждый шаг становился тяжелее предыдущего.

— Это очень глупая затея.

Письмо Рио подало ему идею.

Последнее предложение.

Бессознательное игнорирование ее учениками может быть заменено любовью Азусагавы.

Не испробовав, он не мог узнать, правильно ли поступает или нет.

На самом деле, он не знал, есть ли у него шансы. Как никак он собирался бросить вызов самой атмосфере.

Толкни, потяни или ударь ее, атмосфере будет наплевать. Атмосфере в школе. Той самой атмосфере, с которой он все время отказывался бороться.

Люди, ответственные за ее появление, даже не подозревали о своем причастии.

И раз они об этом не знали, не важно, как бы он с ними ни спорил, его мысли и чувства никогда бы не достигли их.

Они бы просто смеялись над его отчаянными потугами.

Чем сильнее бы он пытался, тем холоднее бы их взгляды становились.

Ему бы просто намекнули, не произнося ничего вслух, о том, что нужно читать атмосферу.

В таком вот мире жил Сакута, и он прекрасно знал свое место в нем.

Проще придерживаться чьего-то мнения. Решать, что правильно, а что нет, самолично слишком затруднительно, и чем обоснованнее твоя мысль, тем больнее, когда ее кто-то не поддерживает. Гораздо безопаснее придерживаться того же мнения, что и все. В разы безопаснее. Никогда не смотри на то, на что не хочешь смотреть. Никогда не думай о том, о чем не хочешь думать. Оставь это другим.

Мир бессердечен.

Настолько бессердечен, что, сам того не осознавая, поворачивается к кому-то спиной, а затем избегает его, ведь он изгой. Чтобы защитить атмосферу вокруг себя и себя самого, лучше притворяться, что ты чего-то не заметил. И неважно, кого ты ранишь этим.

Мир настолько бессердечен, что может промолчать, не почувствовав ничего, и не важно, кто от этого пострадает.

Но «Все так делают, значит и я буду» - не причина для того, чтобы кто-то страдал. «Раз все так делают, значит так правильно» - не всегда правда. Кто вообще решил, что эти «все» делают правильно?

Не встретить он тогда ее в библиотеке Сенандай, Сакута бы и дальше был частью этих «всех». Он, как и многие, был бы еще одной причиной ее страданий.

Но теперь, когда он нашел ответ, ему надо было решить эту проблему.

Даже если вся школа обернется против него.

Все ученики будут против него.

Атмосфера, с которой он отказывался бороться, будет против него... Сакута больше не мог закрывать глаза на эту проблему.

Ведь он нашел то, что было куда важнее, чем сохранение своего статуса.

Он наслаждался тем временем, что провел с ней.

Тем, как она поддразнивала его за то, что он младше нее. Как она пошло шутила и смущала саму себя, после чего заливалась багрянцем. И как она пыталась скрыть это, упорно стоя на своем.

Тем, как она по-детски обижалась, когда Сакута не делал того, чего она хотела.

Она была немного эгоистичной, властной и вспыльчивой. Но несмотря на то, что она была старше него, ее неопытность иногда давала о себе знать. Она наступала на него ногой, щипала за щеку, и даже давала ему пощечины.

То, что частенько она его подкалывала, было прекрасно. Когда она возражала, возмущалась или называла его наглецом, он был неописуемо рад.

Только она могла заставить Сакуту чувствовать себя так.

Лишь она, одна единственная такая во всем мире.

И теперь, ощутив ту радость, которую она принесла в его жизнь, без нее все стало бессмысленным.

Любым способом он хотел вернуть ту радость обратно.

Чего бы это не стоило.

Может он и потерял Секо Макинохару, не сказав ей и слова, однако он не позволит этому случиться дважды.

Он не хотел снова испытывать то чувство.

— К черту эту вашу атмосферу, надоела!

Посреди площадки, Сакута медленно развернулся лицом к зданию школы.

Перед ним было три этажа.

Тысяча учеников в стенах этого здания.

Размер и количество просто обескураживали. И если все проигнорируют его усилия, то всему придет конец.

У него не было плана.

Но он знал, что делать.

Пора перестать волноваться о чьем-либо мнении.

Он должен сделать то, что считает правильным.

Что он чувствует правильным.

К черту все причины и извинения.

Сакута твердо встал на месте.

Он сделал глубокий вдох, собрав всю свою храбрость.

А затем сделал первый выдох, выпустив чуть воздуха из легких.

— Послушайте, все!

Все были сфокусированы на промежуточных экзаменах. В школе было тихо. Его крик пронесся далеко.

— Меня зовут Сакута Азусагава!

Он раздирал себе горло до такой степени, что оно уже начало болеть. Однако он не отступит.

Первая реакция поступила со стороны учительской. Открылось окно и трое учителей стали показывать, чтобы он возвращался, но Сакута проигнорировал их.

— Из класса 2-1! С первой парты!

Во всей школе поднялся переполох.

— Я бы хотел донести до вас кое-что!..

Он чувствовал, что люди перешептываются: «Снаружи!»

Одна пара глаз за другой начинали смотреть в окна.

— Для Май Сакурадзимы, из класса 3-1!

Когда он произнес ее имя, по его телу пробежали мурашки. Все его тело переполняли эмоции. Теперь он чувствовал, словно все кусочка пазла сложились вместе. Прямо сейчас он знал, что его чувства к Май настоящие.

Сакута выдохнул, выпуская оставшийся воздух из легких. Затем он снова сделал глубокий вдох. Он посмотрел на школу, на школьные окна и на учеников, собравшихся около них. Все они смотрели на него.

Ловя на себе тысячи взглядов, Сакута позволил чувствам вырваться из него.

— Я люблю тебя, Май Сакурадзима!

Он ударил по школьной атмосфере всем чем мог.

— Я люблю тебя, Май!

Будто пытаясь разорвать рот, он выкрикивал свои чувства. Он хотел, чтобы все в городе и вне него слышали это.

Тогда никто не сможет проигнорировать.

Никто не сможет притвориться, что не слышал.

Он вложил в это все, что только мог.

Воздух был не вечен, и вскоре его крик превратился в кашель.

Нависло долгое неловкое молчание.

И тогда шквал вопросов, заданных шепотом, встряхнул воздух.

Все ученики смотрели на площадку, прямо на Сакуту. Их общий взгляд словно гигантским молотом ударил по нему. Но вместо одного убийственного удара, этот был нерешительным, средней силы, давящий на него. Медленный, больной, ужасно тяжелый.

Он хотел развернуться и убежать. Прямоком через школьные ворота, к себе домой.

Его страстное признание в любви далось ему тяжело.

— Проклятье! Я ведь знал, что так и будет. Я просто опозорился и все. Черт.

Разочарование так и перло из него.

— Потому я и не хотел бороться с атмосферой.

Утопая в их взглядах, Сакута запустил пальцы в волосы.

— Это ужасно...

И снова желание убежать пробралось в его голову. Он посмотрел в сторону ворот.

— ...

Но он никогда не сделает шаг в ту сторону.

— Я зашел так далеко. И если я не получу награду от Май, то тогда какой смысл от всего этого?

Частично от злобы, Сакута развернулся лицом к школе и начал кричать снова.

— Я хочу держаться с тобой за руки во время прогулки по пляжу Шичиригахама!

Он даже не обращал внимание на то, что говорит.

— Я хочу снова увидеть тебя в костюме девушки-кролика!

Сакута просто пошел на поводу у чувств.

— Я хочу держать тебя на руках и целовать!

Он и сам не знал, какие слова вылетают из его рта.

— Я хочу сказать... Я люблю тебя, Маааааай!

Его крик пронесся по всему небу. Каждый ученик, каждый учитель в школе уставился на него, что ощущалось невероятно ужасно... но в тот момент его переполняли эмоции, и ему было все равно.

Над школой повисло молчание.

Словно все договорились об этом заранее. Так он и подумал, сглотнув.

Сакута не знал почему.

Ученик, которого он не знал, указывал на него через окно пальцем.

Он не знал почему. Сначала он подумал, что они смеются над ним.

Только потом он понял, когда заметил, что тот показывал на кого-то, кто был позади Сакуты.

Он услышал шаги по земле. Кто-то стоял позади него.

Сакута выдохнул... и ее голос достиг его.

— Я прекрасно тебя слышу. Незачем так кричать.

Будто бы прошли века с момента, когда он в последний раз слышал ее голос. Словно он ждал целый год, чтобы услышать ее снова.

Сакута развернулся.

Морской бриз пронесся мимо ее ног.

Край ее юбки приподнялся.

Ее обычные черные колготки виднелись из-под нее. Ноги были расставлены на ширине плеч. Одна рука была на ее талии, а вторая придерживала волосы от ветра. Ее взгляд придавал ей более взрослый вид, а оттенок злости на лице позволял ей выглядеть моложе.

Волна эмоций пронеслась по телу Сакуты.

Май стояла перед ним, менее чем в десяти метрах.

— Ты потревожишь соседей.

— Я хочу, чтобы все в мире это знали.

— Не все говорят на японском.

— Точно! Об этом я не подумал.

— Ты такой дурак, — сказала она опустив голову, словно сдерживая злость.

— Ну уж лучше, чем кто-то, притворяющийся умным.

— Это еще глупее, — ее плечи затряслись, — Такой поступок породит только больше слухов о тебе.

— Если эти слухи будут о нас, то я только за.

— Я не это имела... Дурак.

— ...

— Дурак, Сакута! — закричала она и подняла голову. Слезы стекали по ее щекам.

Первые шаги в его сторону она делала медленно.

А затем побежала.

Сакута развел руками, готовый обнять ее.

Она была в трех шагах от него. Двух. Одним. А затем треск раздался по всей площадке. Этот звук прозвенел в небесах над ними.

Шокированный, Сакута уставился на нее.

Спустя мгновение его щека начала гореть.

Только затем он осознал, что Май дала ему пощечину.

— Что? За что? — недоумевающе спросил он.

— Ты соврал мне!

На ее глазах все еще были слезы. Она уставилась на него, словно ее чувства вот-вот выплеснутся наружу.

— Ты сказал, что не забудешь меня!

Теперь он понял. Она была в праве злиться на него. Ведь он солгал ей.

— Прости, — сказал он, подтягивая ее трясущееся тело к себе.

Он осторожно заключил ее в свои объятия. Май зарыла свое лицо в его плечи.

— Это непростительно.

Ее голос был тихим.

— Прости.

— Я никогда тебя не прощу.

Май, всхлипывая, потерлась о его плечо.

— Тогда я не отпущу тебя, пока не простишь.

— Тогда тебе придется держать меня так всю оставшуюся жизнь.

Ее голос все еще дрожал.

— Эээ...

— Это проблема?

Она прекратила плакать и взяла свои эмоции под контроль.

— Ни один парень не стал бы возражать, если милая сэмпай скажет... Ай! Май, моя нога!

— Ты заставили меня сказать все это, а теперь прячешься за обобщениями? Да как ты посмел!

— Ау, моя нога...

— Ты же любишь, когда на тебя наступают, да?

— Прости. Прости! Мне жаль! Прошу, прости меня!

Она покрутила каблуком. Это было очень больно.

— Скажешь что-нибудь в свое оправдание?

— Если ты была так сильно напугана, то не следовало давать мне то снотворное!

— Эти слезы - показуха, чтобы запудрить тебе мозги.

— Тогда спасибо, что прервала эту ерунду с бессонными ночами.

— Всегда пожалуйста. Однако сейчас мне нужны не твои благодарности.

Ее каблук впился в его ногу еще раз.

— Ты знаешь, чего я хочу.

Она приложила еще немного усилий.

Сакута сдался и сказал то, что она хотела услышать.

— Я люблю тебя.

— О, правда?

— Прости, соврал. Я безумно люблю тебя.

— ...

Нависла тишина. Май сделала шаг назад. Слезы уже пропали, однако следы на щеках остались.

— Сакута.

— Что?

— Скажи мне это еще разок через месяц.

— Зачем? — переспросил он, не совсем уверенный в том, что она имеет в виду.

— Если я отвечу сейчас, то буду считать, что поддаюсь чувствам.

— А я ведь надеялся, что это дойдет до поцелуя.

— Сейчас у меня бешено бьется сердце... но, думаю, это из-за сложившейся ситуации, — сказала Май. Она отвернула голову и покраснела. Мягкий румянец на ее щеках был очень даже милым.

— Удивлен, что ты так спокойна.

Она не влюбилась из-за эффекта подвесного моста*.

[П/П: Эффект подвесного моста – любопытное психологическое явление, которое выражается в том, что совместное переживание стрессовых ситуаций способствует возникновению более сильных чувств по отношению к людям, с которыми эти ситуации были пережиты. Повышенное сердцебиение, вызванное страхом, ошибочно расценивается, как зарождающееся чувство любви.]

— Хочу, чтобы ты тоже об этом подумал.

— О чем?

Он знал, что он чувствует. И думать было не о чем.

— Я старше тебя.

— Так это же прекрасно!

— Я немного боюсь встречаться с парнем, который моложе меня.

— Ты не доверяешь мне?

— Нет... не то, чтобы... — ее голос стал тихим, — Просто такое ощущение, что я соблазняю тебя.

— Так и есть, так что...

— Нет, это не так!

— Но ведь ты всегда начинаешь первой!

Только начав вспоминать, ему в голову приходило несколько интимных контактов. Если сложить их с тем, сколько раз она щипала его за щеку и наступала на ногу, то выйдет нехилое количество.

— Я-я все ясно объяснила?

— Не знаю...

— Никаких жалоб.

— Я не могу ждать целый месяц! Может я буду говорить тебе это каждый день?

Май посмотрела на него с удивлением, но также и с радостью. Она улыбнулась.

— Хорошо, но ты должен будешь говорить это на протяжении всего месяца. Если пропустишь хоть один день, то я решу, что ты меня больше не любишь.

Она ткнула Сакуту в нос и игриво улыбнулась. Он хотел, чтобы она была такой лишь для него. Однако в этот раз он позволит увидеть это всем.

Все ученики школы Минагахара удивленно, с раскрытыми ртами, смотрели на них. Никто не знал, как на это отреагировать. Все определенно смотрели и ждали, пока она скажет ответ.

— Всем определенно нравится плыть по течению, — сказала Май с долей сарказма. Она взглянула на окна школы и сделала глубокий сдох. Затем крикнула:

— Помните ту историю о том, что Сакута отправил одноклассников в больницу? Это не более, чем слухи!

Нависло молчание.

Затем она вернулась к Сакуте с гордым видом.

— Ты же хотел, чтобы все это знали, да?

Кстати об этом, они уже говорили как-то на эту тему в поезде.

Спустя мгновение волна удивления пронеслась по всем ученикам. Вся школа взволновалась. Все ожидающе уставились на них.

— ...Не та реакция, которой я ожидала, — сказала Май.

Действительно. Однако она была вызвана не тем, что она сказала.

— Май, ты назвала меня по имени. Думаю, это их и удивило.

Только что они, перестав волноваться о том, что думают другие, устроили самый настоящий скандал перед всеми, охваченные своими глубоко скрывающимися инстинктами. Уж действительно чудеса юности.

— Из-за тебя мы привлекли много внимания.

— Всего-то тысяча людей. Не так уж и много. Ты так чувствительна, — у тех, кто имел уже какой-то опыт с популярностью, должен быть другой взгляд на это. — Может тут и не хватает три-четыре нолика, Май, однако...

Однако их разговор решили прервать. Классный руководитель Сакуты, директор школы и мужчина в спортивной форме - учитель физкультуры - подбежали к ним.

— Уфф. Кажется, мне предстоит длинная лекция, да?

— Не волнуйся.

— Почему же?

— Я тоже приду, что бы на нас накричали вместе.

— Ох. Ну, это звучит куда лучше.

Как минимум он будет с ней.

Май и Сакута пошли в сторону школы.

Рука об руку.

Таким образом, Май Сакурадзима снова вернулась в этот мир.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1005228>